

тую книгу — свою Комедию. Прибавьте сюда мавзолей в Равенне, саркофаг и негасимые лампы при нем. Конечно же, все это Гоголь видел, знал, и разве не мог он не возмечтать о подобных посмертных почестях.

С самых юных лет Гоголь твердо верил в свое высокое предназначение. Мочульский приводит строки из письма его к матери, написанного еще из Нежинского лицея:

«Испытую свои силы для поднятия труда важного, благородного на пользу отечества, для счастья граждан, для блага жизни себе подобных и, доколе нерешительный, неуверенный в себе, я вспыхиваю огнем гордого самосознания...»

Гоголь почитал создание «Мертвых душ» делом всей своей жизни. (Дант точно так же относился к своей «Комедии»).

До нас дошли молитвы, которые читал Гоголь во время работы над «Мертвыми душами». Приведем один отрывок:

«Боже, соприсутствуй мне в труде моем, для него же призвал меня в мир... Верю, яко не от моего произволения началось сие самое дело, над ним же работаю во славу Твою. Ты же заронил и первую мысль... Ты же Один дашь силу

принадлежать никому на земле. Она должна быть передаваема по начальству, и всякий начальник, как только заметит ее устремление к себе, должен в ту же минуту обращать ее к поставленному над ним высшему начальству, чтобы таким образом добралась она до своего законного источника, и передал бы ее торжественно на виду всех любимых царь Самому Богу».

(...) Начертание этой лестницы вполне в духе феодального строя. (...) Социальная пирамида острием своим упирается в небо; Царь — посредник между небом и землей. «Власть Государя, — пишет Гоголь, — явление бессмысленное, если он не почувствует, что должен быть образом Божиим на земле... Все полюбивши в своем государстве, до единого человека всякого сословия и звания, и обративши все, что ни есть в нем, как бы в собственное тело свое, возблещет духом о всех, скорбя, рыдая, молясь и день и ночь о страждущем народе своем, государь приобретает тот всемогущий голос любви, который один только может быть доступен разболевшемуся человечеству». Со всех ступеней общественной лестницы волны любви устремляются в одну точку — к трону; и навстречу им стремится столь же сильный поток монаршей любви. В этой

ТРАГЕДИЯ

и окончить, все строя ко спасению моему...»

И, наконец, приводя отрывки из некоторых писем Гоголя, Мочульский приходит к тому же самому выводу, что и я, когда разбираю помещенный выше отрывок из «Мертвых душ».

«О верь словам моим! Властью высшей облечено отныне мое слово».

«Вместе с письмом сим несется к тебе благословение и сила».

«Имей в меня каплю веры, и живящая сила отделится в твою душу».

На языке аскетики такое состояние называется «впадением в прелесть».

Нечто вроде сюрприза преподнесла мне глава К. Мочульского «Выбранные места из переписки с друзьями». Здесь необходима пространная выписка.

«Схему гоголевского социального строя можно представить себе в виде иерархической лестницы, на которой расположены должности и сословия: стоящие на одной ступени — отцы по отношению к низшей и дети по отношению к высшей. Снизу вверх из рук в руки передается пламя любви, достигающее наконец престола. На нем сидит Монарх, возносящий любовь детей своих к Богу».

«Как это⁹ верно, — восклицает Гоголь, — что полная любовь не должна

встрече двух любовных токов, в концентрации и объединении всего народа в любви — и заключается смысл монархии».

Монархия! — ведь это название одного из трактатов Данте, где он доказывает, что Империя есть государственное устройство наилучшее и учрежденное Самим Богом. Вот одно из наиболее «гоголевских» мест трактата:

«... монарху изначально и непосредственно присуща забота о всех, другим же правителям она присуща благодаря монарху, поскольку их забота проистекает из этой верховной его заботы. (...) Поскольку... монарх среди смертных есть универсальная причина того, что люди живут хорошо, ибо, как уже сказано, другие правители существуют благодаря ему, поскольку благо людей ему особенно дорого. А в том, что монарх в наибольшей степени способен соблюдать справедливость, кто будет сомневаться? Разве лишь тот, кто не понимает, что у монарха не может быть врагов. Итак, после того, как в достаточной мере разъяснена главная посылка, бесспорно становится ясным и заключение, а именно, что для наилучшего устройства мира непременно должна существовать монархия».

И ПОСЛЕДНЕЕ. Если принять мою точку зрения, если Гоголь хоть в какой-то степени несостоявшийся русский Дант, то акт предсмертного сожжения второго тома «Мертвых душ» выглядит вовсе не таким, как его представляет себе хождение литературоведа. Нет, в Гоголе не «моралист убил художника», а смиренный-христианин воистину страшной ценой победил гордого-честолюбца.

Не об этом ли, в частности, свидетельствуют самые последние строчки, начертанные почти накануне смерти слабеющей рукой гениального писателя?

«Аще не будете малы, яко дети, не увидите в Царствие Небесное».

Помилуй меня грешного, прости Господи. Свяжи вновь сатану таинственною силою неисповедимого Креста.

Как поступать, чтобы признательно, благодарно и вечно помнить в сердце моем полученный урок. И страшнее истории всех событий Евангельских...».

Священник
Михаил АРДОВ.
ЕГОРЬЕВСК.

● Памятник Н. В. Гоголю в Москве.

Фото А. Белянчева.

● Памятник Данте во Флоренции.

Фото Ал. Авдеенко.

